

ГЛАВА 11

Петр проснулся от того, что кто-то его тряс за плечо. Он заснул на стуле, за ординаторским столом.

— Эй, дружище! Просыпайся. Тебе нужно сваливать отсюда. Сейчас уже все придут. Будет много вопросов.

— Виктор не вернулся? — спросил сонный Петр.

— Нет его. Я у тебя хотел спросить, не звонил ли он ночью? Я уже его набирал. Он не отвечает. А ты не в курсе, куда он пошел?

— Нет. Но попробую его поискать.

— Давай! Если что, я на связи.

— Да уж, знаю я, как ты на связи. Ночью не мог тебя добудиться. Пришлось роды принимать.

Петр выпил чаю, заваренного из пакетика, и отправился на поиски Виктора. Он попробовал ему позвонить, но тот трубку не брал. Связавшись с Машей, он узнал, что Георгий тоже не появлялся в институте. Нужно было найти Виктора, но с чего начать он не знал. Похоже, придется выйти на связь шаманским способом. Не факт, что это увенчается успехом, но стоит попробовать.

Петр зашел в круглосуточное кафе, заказал кофе с марморовым кексом, и пока жевал, искал в интернете обряды по соединению с людьми на расстоянии или хотя бы приемы, как при помощи ясновидения ищут людей. Он открывал страницу за страницей, но наткнулся только на разного масштаба бредовый околوماгический мусор. Расплатившись, он вышел из кафе, погруженный в мысли о том, что

даже его начальный уровень в теме магии и шаманства давал понять, как много в интернете людей, называющих себя шаманами, а на самом деле являющихся сумасшедшими.

Наверное, он это сказал вслух, потому что услышал мужской голос рядом:

— А ты уверен, что ты сам не сумасшедший?

В последнее время Петр не удивлялся никаким голосам, особенно звучащим в его голове. Но этот был настоящий. Бомж, который только что копался в мусорном баке около кафе, смотрел на него хитрым взглядом.

— Не узнаешь меня? — спросил он, складывая в свою сумку пустые бутылки.

— Нет. Мы знакомы? — удивился Петр.

— Короткая у тебя память, девичья, даром что мужик. На остановке я денег просил, ты мне дал. Я тебя еще провожал, ты к пассивной своей торопился. Кстати, как она?

— Умерла. — коротко ответил Петр, припоминая тот день, когда он встретил бомжа, день, когда он нашел Офелию мертвой, и вся его жизнь перевернулась с ног на голову.

— Ну бывает, — безэмоционально прокомментировал мужчина.

— А правду говорят, что вы, бездомные, очень наблюдательные? Все знаете, что в городе на вашем участке творится?

— Ну правда. Что ж нам еще делать? У нас времени много. Торопиться никуда не надо, вот мы все и подмечаем.

— Может, ты знаешь доктора вот из этого роддома? — Петр указал рукой по направлению ЦГБ. — Виктор Рыбаков зовут. Мужчина в возрасте, с бородкой.

— А то как же не знать! Его тут все знают. Он регулярно мне бутылочку покупал, часто разговаривали мы с ним о том да о сем. Вчера видел, как он ночью торопился куда-то. Такси подъехало, он и уехал. С ним посох был. А ты сын его? Видно это, глаза у вас похожие.

— А ты не заметил, куда он поехал?

— Нет. Такси по проспекту вниз поехало, а там кто его знает, куда дальше.

— Жаль. Я ищу его. Телефон не отвечает.

— А ты не суетись, парень. Город послушай. Он сам тебе все расскажет, если ты научишься с ним разговаривать. Мы, бездомные — самые любимые дети города. Полностью от него зависим, потому он нас и любит. Хочешь, тебя научу город слушать?

— Как-нибудь в следующий раз, мне Виктора найти надо.

— А я тебя для этого и научу. Пойдем. Здесь недалеко во двориках лавочка есть, присядем.

Петр сел на лавочку, бомж рядом.

— Закрой глаза. Расслабься. Посиди вот так просто, прислушиваясь к запахам, звукам города.

— Мусоркой несет, — поморщился Петр.

— Это от меня, не отвлекайся, — усмехнулся бомж.

Так они сидели какое-то время, мимо ходили люди, лаяли собаки, трезвонила сигнализация на машине. Петр слышал, как город с ним разговаривал, но пока не понимал его языка.

— Не торопись. Просто задай вопрос. Не требуй — уважай город, — сказал бомж.

Петр увидел, как из подъезда, рядом с которым они сидели, вышел молодой человек в очках. В руках у него был рюкзак, из которого торчали скрученные наспех свертки и старые фотографии.

— Да, я знаю, что в июле из-за жары у нас экскурсии на два часа раньше. Я уже вышел, буду с минуты на минуту. Ну как где? Сегодня же на левый берег экскурсия.

Молодой человек прошел мимо лавочки, бомж встал, пошел за ним, задел его рюкзак. Свертки выпали, фотографии разлетелись в разные стороны.

— Ой, извините, — с сожалением, но и удовлетворением произнес бомж, — я в последнее время подслеповат стал, не заметил вас.

Молодой человек, выругавшись, начал собирать фотографии. Петр вызвался помочь ему, поднимая разбросанные снимки, и увидел, что на всех было изображено одно и то же место на левом берегу Большой Реки, неподалеку от моста.

— Кажется, я понял — радостно вскрикнул Петр, вручив оставшиеся на земле изображения моста молодому человеку.

И побежал в сторону проспекта, который вел к мосту через Большую Реку.

Парень в очках смотрел ему удивленно вслед, а бомж махал рукой и кричал:

— Привет Виктору!

Когда Петр оказался на том месте, которое было изображено на фотографиях, он сначала обратил внимание, что многие кусты сломаны, земля разрыта, а некоторые деревья вырваны с корнями, как будто именно в этой точке прошел ураган.

Через пару минут, в кустах он нашел обоих шаманов: Гергий и Виктор лежали неподалеку друг от друга и еще дышали. Он вызвал скорую, забрал лежащие рядом гнилушку и посох и до приезда скорой удалился. Звонил он с телефона Виктора, который нашел рядом с хозяином.

Петр почувствовал, что ему нужно что-то закончить, но что и как, не понимал. Возможно, то действие, которое не завершили шаманы. И это действие нужно было совершить при помощи атрибутов его шаманов-отцов. Но тут явно нужна была помощь — сам он до сих пор не очень хорошо понимал в ритуалах. Надо найти кого-то, кто мог бы ему помочь в этом.

И тут он вспомнил об Ирине, его первой девушке, которая училась на философском факультете и уже тогда занималась разными практиками, которые она называла регрессивным гипнозом. Это, конечно, не совсем шаманство, но она могла ему помочь хоть как-то с этим разобраться. Он не видел ее уже 10 лет и не знал, чем она сейчас занимается,

хотя был почти уверен, что свои регрессивные штучки она не бросила.

Ирина ответила сразу и, почти ничего не поняв из сбивчивой речи Петра, пригласила его к себе лично обсудить все вопросы, благо ее рабочее пространство находилось недалеко, на улице Приречной, в старой части Города на правом берегу.

Когда Петр оказался у Ирины, он отметил, что им постоянно кто-то мешал. Во время разговора в комнату, где они сидели, заходила собака, маленький черный цвергшнауцер, показывая хозяйке, что хочет погулять, забегали дети, которые говорили, что им скучно, муж, искавший свои инструменты.

— Вы что, здесь живете все? Ты же вроде говорила, что ты тут работаешь.

— Ну да, на втором этаже живем. На первом я работаю.

Петр показал ей шаманские атрибуты. Она посмотрела на них, закрыла глаза.

— Я не шаман, а регрессолог. Могу тебя ввести в транс, в пространство между жизнями или в другую жизнь. Не знаю, как тут могут пригодиться твои штуки. Подожди, у меня есть старая книга, мы ее нашли среди ненужного хлама, когда купили этот дом и приводили его в порядок. Пойду ее поищу.

Она открыла дверь и заорала наверх:

— Сережа, сделай Петру чай на наших особых травках. Не заставляй гостя ждать, — и удалилась.

Когда она вернулась, Петр уже пил чай и внимательно рассматривал пространство вокруг.

— А у тебя тут все серьезно.

— Ну а что ты хотел? Я уже не та студентка, которой была 10 лет назад. Серьезная женщина: ипотека, муж, дети, собака и настоящие магические книги.

— Нашла что-нибудь?

— Да, тут описывается один шаманский транс, в котором используется атрибуты черного шамана, белого шамана

и какой-то предмет из одной из прошлых жизней погружаемого в транс. Но имей в виду, я буду делать такую работу в первый раз. И, судя по описанию, это тебя погрузит куда-то очень глубоко. За последствия я не ручаюсь. Если готов экспериментировать, то поехали. Чай выпил?

Петр кивнул.

— Молодец, детка. Ты всегда был хорошим мальчиком. Прости, что я тогда ушла, не попросившись. Сегодня пришло время возместить тебе моральный ущерб. Я сделаю все от меня зависящее.

Петр вспомнил, как он еще долго страдал, когда Ирина его бросила, сказав, что он какой-то непонятный, неинтересный и вообще слишком молод. Ей тогда было 23, а ему 17. Это вспоминалось, как старый сон. И он не был уверен, что хотел бы быть на месте Сережи, который приносил клиентам Иры чай и выгуливал собаку. С Ирой по-другому нельзя было. Либо ты полностью ей служишь, либо пошел вон. Она, видимо, тогда это тоже поняла. Сейчас это все уже не важно. Гораздо важнее было то, что Петр сегодня наконец завершит всю эту историю с шаманами.

— А, кстати, дружок, я поздравляю тебя!

— С чем? — не понял Петр.

— Видимо, ты действительно сейчас в большой запарке. У тебя же сегодня день рождения. 27 лет!

Со всеми этими событиями Петр забыл о своем дне рождения.

— Пусть наш транс будет тебе подарком! Знаешь, в дни рождения случаются всякие чудеса.

— Надеюсь, сегодняшнее чудо меня не сведет с ума.

— Да ладно. Прорвемся, не ссы. Вон диванчик, ложись на него и глаза закрывай.

В дверь постучали. Не дождавшись ответа, с той стороны ее открыли. Это был муж Ирины, Сережа.

— Ира, прости, пожалуйста, но у меня очень важный вопрос. Собаку на стрижку на который час записывать?

— Сережа, мать твою! Ты что не видишь, я работаю! Закрой дверь с обратной стороны. И не беспокой меня, пока я сама не выйду.

В приоткрытую дверь забежал черный цвергшнауцер.

— И собаку забери, Сережа!

Муж Ирины виновато закрыл дверь. А потом написал сообщение:

— Скажи, это важно! На сколько собаку записывать?

— На 16.30 — ответила Ирина, и выключила телефон.

Потом повернулась к Петру. — А ты почему глаза до сих пор не закрыл?

Она начала транс, перед этим разместив у изголовья Петра три вещи: гнилушку, моржовый посох и амулет с человеком-рыбой.

— Я буду считать от 27-ми до одного в обратном порядке, а ты — медленно погружаться в транс. Каждая цифра соответствует твоему возрасту, называя ее, я буду освобождать тебя от опыта того года. Когда мы дойдем до нуля, точке твоего зачатия, ты погрузишься в глубокий транс, в тот момент, когда душе пришел зов, что ей нужно воплотиться.

27.

Сейчас ты представишь себе лестницу. От земли в небеса простирается великолепная прочная массивная золотая лестница. Эта лестница олицетворяет твою жизнь. Ты стоишь на ступеньке 27. Вот тебе 27 лет, 26 лет, 25 лет. Все глубже и глубже, с каждым шагом ощущение покоя.

24, 23, 22, 21, 20, 19, 18. Приходят воспоминания, разные, приятные и не очень. Я не знаю, какие это воспоминания и с чем они связаны. Возможно, еще чуть-чуть нужно подождать, но они придут обязательно. Когда придут воспоминания, продолжай оставаться в этом расслабленном состоянии покоя и просто освободи мышцы рта, губ, языка, освобождаясь от своего тела.

17,16,15,14,13,12. Продолжай спускаться.

Ты оказался на ступеньке, где тебе 11,10,9,8. Ты можешь физически чувствовать, как меняется твое тело, или просто наблюдать за этим.

7,6,5,4,3,2. Оставь сознательный контроль, пусть приходит спонтанно то, что приходит.

И ты движешься дальше в прошлое.

1,0. Лестница заканчивается, последняя ступенька, сейчас ты плавно, как на лифте, погружаешься глубже и оказываешься в том моменте, когда ты еще не родился, но уже находился в животе своей матери.

И потом ты плавно перемещаешься в тот туннель, коридор, который соединяет настоящую жизнь с другим пространством, пространством между жизнями. Туда, откуда ты пришел. С каждым моим словом освещенность будет увеличиваться, после темноты появятся сумерки, потом свет станет все ярче, выход увеличивается, свет становится слепящим, и ты вылетаешь из туннеля.

Ты там, куда все мы уходим после смерти, между жизнью и следующей жизнью. Ты уходишь из земного плана.

Твоя душа поднимается вверх или вниз, ты переходишь в то самое пространство-время, где решается судьба твоих воплощений, и того, в котором ты находишься сейчас, тоже.

Сейчас слушай очень внимательно. Ты видишь яркий белый свет, нисходящий сверху прямо в макушку твоей головы. Увидь его, почувствуй, как он становится реальностью. Аура из чистого белого света, излучаемая из ниоткуда и везде. Она всеохватывающая. Ты ощущаешь себя восходящим на уровень Сверхсознания.

Ты в другом мире.

— Дай мне вон ту пробирку, а то я, кажется, переборщил с количеством воды на квадратный километр. Сейчас их снесет всех на хрен, — с раздраженной сосредоточенностью произнес человек в рабочей форме голубого цвета.

— Ты там поаккуратней. Нашему отделу уже два выговора было за последние сто миллионов. Еще один, и нас заставят опять следить за уникальностью снежинок и размерами песчинок.

— Пипец, скучная работенка. — произнес еще один, повыше, в форме такого же цвета.

— Да ты сам сядь и попробуй все точно рассчитать, когда приборы сломаны. И что этот отдел починки оборудования тянет? — злился еще больше первый.

— Эй, ребята, хватит спорить. Не отвлекайтесь, — вмешался человек в желтом рабочем костюме. — А то будет как в тот раз, когда вы ругались и не туда направили метеорит, который впоследствии уничтожил динозавров. А мы их так долго делали, они были прекрасны.

Яркий белый свет слепил, Петр зажмурился. Когда открыл глаза, обнаружил себя в комнате с искусственным освещением в помещении, в которое вело 4 двери, расположенные по направлению 4-х сторон света. Пространство перед дверьми было окутано туманом разных цветов: с северной стороны белого цвета, с южной — красного, на западе — черного, на востоке — желтого. Помещение представляло собой большой зал в форме полусферы, диаметром около 100 метров. Пол был белым, и когда Петр на него ступал, то не ощущал твердой поверхности под ногами, как будто что-то просто фиксировало его. Это не мешало ходить, а наоборот, делало ходьбу легкой, не нужно было прикладывать никаких усилий для передвижения. Потолок был сферический, сделанный из серого металла.

Вдоль стен стояли какие-то машины, похожие на терминалы. Было их всего 7: каждый терминал выполнял свою функцию. На них были экраны, которые проецировали в пространство перед собой картинки с объемным звуком. Рядом с терминалами расположились длинные производственные столы, за которыми сидели люди, одетые в рабочую форму такого же цвета, что и терминал перед ними. Все цвета радуги: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый. К двум из семи терминалов были прикреплены шлемы, их использовали для того, чтобы прочитывать мысли людей или животных, проецируемых экраном. Шлемы имели металлическую обшивку и соединялись с терминалом проводами, похожими на золотые полупрозрачные нити.

Ко всем приборам были приставлены столики, на которых располагались клавиатуры и пульт с кнопками. Столики висели в воздухе и могли перемещаться выше или ниже в зависимости от роста того, кто перед ними оказывался. Возле каждого столика стояло большое мягкое кресло, вращающееся и изменяющее угол наклона.

Одна из стен была занята большим экраном, тоже сферической формы, на нем постоянно менялись картинки, изображающие разные процессы на планете Земля: животные, люди, природа.

В центре машинного зала располагалась платформа. Это был летательный сферический аппарат, напоминающий то, как люди изображают летающие тарелки. Его диаметр был около 10-ти метров, а посередине находилась дверь-слайдер, к которой была приставлена лестница, похожая на трап.

— Вау, — присвистнул Петр, — так значит, НЛО не выдумки.

Когда он это сказал, эхо усилило звуки его голоса в несколько раз.

Инженеры, сидящие за своими столами, обернулись и уставились на пришельца.

— Э, куда я попал? — спросил Петр.

— Это машинный зал, — раздался голос человека, входящего через белую дверь. — Ты как тут вообще оказался?

В говорящем Петр узнал Человека в коричневом капюшоне, с которым он уже много раз общался.

Инженеры продолжили работу и как-то притихли. Петр слышал шепот о том, что «опять проверка, кто-то снова на-косячил, видимо, по-крупному, так как Капюшоны посещают машинный зал крайне редко».

Петр прислушивался к шепоту и с интересом вглядывался в происходящее вокруг.

— Я вообще не пойму, что тебе здесь нужно? Люди сюда обычно не попадают. Ума не приложу, как это тебе удалось. — Человек в коричневом капюшоне перешел на еле слышный шепот.

— Да я сам ничего не понимаю. Мы тут с Ирой транс замутили. Видимо, что-то пошло не так, как должно было. А тарелка настоящая?

— Пойдем отсюда, — Человек в капюшоне грубо взял Петра под локоть и увлек за собой через дверь с белым туманом в коридор.

Вокруг царил полумрак, только легкое красноватое сияние, которым светился сам воздух, позволяло ориентироваться в пространстве. Коридор, по которому шли Человек в Коричневом Капюшоне и Петр, был как будто вырублен в скале. Он то сужался, то расширялся в зависимости от движений рук идущих: если руки расставить, стены расходились, если держать вдоль тела, сужался. Петр попробовал подпрыгнуть — потолок подпрыгнул вместе с ним. Они шли, коридор как будто поднимался вверх. И Петр ощутил, что его начало немного придавливать, как бывает, когда быстро едешь в лифте вверх на большой скорости.

Через несколько десятков шагов они уперлись в тупик, который начал вибрировать, в нем появилась дверь, откуда высунулся Человек в красном капюшоне.

— Вы можете идти, Служитель, — обратился он к Человеку в Коричневом Капюшоне. — Он ко мне.

Указал на Петра.

Служитель нажал на коричневую кнопку, находящуюся в левой части коридора и растворился. Красный капюшон грубо увлек Петра за собой в кабинет, где было много стеллажей с папками. На большом массивном столе, находящемся посередине комнаты, валялись разные бумаги, отчеты, бланки. Человек в красном капюшоне взял одну из бумажек со стола, сунул ее в лицо Петра.

— Это вот что такое? Сколько можно вас покрывать? Я уже не знаю, что сказать Издателю. Мы вас всем отделом пытаемся отмазать. Вышли уже все мыслимые и немыслимые сроки. Если прямо сейчас не объяснитесь, я вынужден буду обратиться к Издателю с просьбой разорвать с вами контракт, несмотря на то, что именно вы начали наш проект.

— Какой контракт? — с недоумением спросил Петр.

— Вы еще и издеваетесь! Снимите вы уже это тело, тут оно вам зачем? Это даже неприлично, я вам скажу, разговаривать со мной, находясь в теле. Я так жалею, что согласился на сотрудничество с вами. Никогда такого не было. Вон ваши коллеги как справляются! Посмотрите сюда!

Он вручил Петру изображение Иисуса Христа.

— Это Иисус Христос, сын Божий. Основатель христианской религии. — пытался как-то разрядить атмосферу Петр.

— Это ваша коллега написала! Сын Божий! Прекратите уже паясничать. Мало того, что она справилась в два раза быстрее остальных. Это был просто бестселлер. Теперь ее все так и называют в отделе — Кристи. А сколько фанфиков и подражаний породил этот роман! Вот сейчас она уже заканчивает второй том. Даже наш неповоротливый лентяй, Фуци Кон, все написал, что обещал. Сколько миллиардов существ прочли его «Поднебесную»! И сейчас трудится, вот половину следующей книги сдал мне на доработку. А вы?

Вы начали 4000 лет назад, в отличие от них. Раньше всех в нашем отделе! И не только книгу не написали. Я даже приличных черновиков от вас не видел. А как хорошо начинали! Шумер, Шарумкен, Элайя, красиво же получилось! Вы, конечно, очень талантливы, но сроки тоже надо соблюдать. И где вы были земные 4000 лет? Вы хоть понимаете, сколько на вашу командировку ресурсов ушло?

— Я ничего не понимаю. Это мое тело, может, не самое лучшее, но оно мне нравится.

— Так... — человек в красном капюшоне постукивал костяшками пальцев по столу.

— Потом взял прибор, похожий на фонарик, подошел к Петру и начал светить тому в глаза.

— Давай, приходи в себя, не помнишь что ли? Ты Большой, Писатель.

— Большой?

— Ну люди называют Больших Богами. Бог ты в общем.

— Тот самый? — Петр указал пальцем наверх.

— Ну не ТОТ САМЫЙ, Больших много. ТОТ САМЫЙ, Издатель, его никто из нас не видел, только слышал. Ты начал свой новый проект, роман, еще 4 тысячи лет назад по земным меркам. Взял в свою команду еще Писателей, меня в качестве Редактора. А потом потерялся, и вот только сейчас проявился в новом теле. Мы тебя искали всем отделом.

— А ты кто?

— Редактор, Писатели приносят мне свои труды на разных этапах перед выходом в печать.

Он взял еще один прибор, похожий на тонометр, только с экраном, напоминающим планшет.

— Руку дай. Померяю тебе уровень человечности в крови. Петр протянул ему руку.

— Да уж, хм. Уровень человечности зашкаливает. Удивляюсь, как ты вообще сюда попал, с таким УЧ! Похоже, ты подсел на проживание человеческих жизней.

Петр все еще смотрел на него с удивлением.

— Ты понимаешь, что ты человекоман? Это может быть опасно не только для тебя, но и для всего твоего окружения. Теперь становится ясным, зачем ты утащил на землю Человека-рыбу. Нужна была новая доза человечности.

Редактор устало садится в кресло.

— Я должен провести тебе детокс, я сделаю это для твоего же блага!

Он нажал на кнопку прибора, похожего на телефон, только с большим экраном, наклонился к нему и скомандовал:

— Принесите мне, пожалуйста, набор для детоксикации.

Через несколько минут в кабинет зашел человек в желтом капюшоне, отдал красному капюшону небольшой чемоданчик и перед тем как выйти, что-то шепнул ему на ухо.

Красный ответил вслух.

— Я думаю, укол успокоительного не понадобится. Он же не будет сопротивляться. Да? — и посмотрел на Петра.

Петр сказал «да», но сам обдумывал, как отсюда сбежать. Когда желтый капюшон вышел, он спросил:

— А это кто был?

— В желтых балахонах — Корректоры. — ответил красный.

Потом открыл чемоданчик, достал оттуда шприц, подошел к Петру, не ожидая всего, что последует дальше.

Петр выбил из руки Редактора шприц, ударил его по голове и попытался убежать через дверь. Но дверь была заперта. Петр в отчаянии тарабанил с криком:

— Выпустите меня отсюда! Меня хотят убить!

Человек в красном капюшоне нажал на тревожную кнопку и прокричал:

— Вызовете Больших и седативного принесите.

Быстрыми шагами подходит к тарабанившему в дверь Петру, пытается его оттащить оттуда.

Петр начинает драться. Его силы явно превосходят силы Редактора.

— Тебе не удастся меня убить! Я Большой, а значит, сильнее тебя.

— Я не собирался тебя убивать. Я вообще не могу этого сделать даже при большом желании, это не в моей власти. Ты болен!

Петр мечется по кабинету, пытаясь найти какой-то потайной выход.

В дверь стучат. Петр открывает дверь, за дверью он видит космос. Шагает наружу, падает. На лету его подхватывают какие-то силы, и через секунду он опять оказывается в кабинете у Редактора. Там ему заламывают руки и кладут лицом в пол.

Смуглый человек арабской наружности в белой накидке и с куфией на голове.

Еще через секунду к нему подошел мужчина со звездой Давида на груди, в черной шляпе и с пейсами, надел на него наручники, один из браслетов которых прикрепил к ножке стола.

— Стол неподвижен, ему миллионы лет, он врос в пространство — выдержит.

— Кто вы вообще такие? — хрипит Петр.

— Мы Писатели, Большие. — ответил ему мужик арабской наружности, поправляя саблю в ножнах, висящих у него на поясе.

Редактор обеспокоенным голосом набирает Корректора:

— Пригласите всех Писателей Отдела, пожалуйста. У нас намечается совещание.

— Какая честь! — иронизирует Петр. — Совещание из-за жалкого человечешки.

— Ты не жалкий человечешка, ты один из нас. Мы должны тебе помочь, — входя, бросила ему молодая женщина, на вид лет тридцати трех, в строгом офисном костюме, с крестом на груди.

Потом повернулась к арабу и другому, с пейсиками:

— Давайте как-то гуманнее ребята, каждый из нас мог оказаться на его месте! Вочеловечивание затягивает. Сама была на волосок от этого две тысячи лет назад.

Петр почувствовал, как его тело приподняло, и он оказался на кушетке, довольно удобной. Он попробовал пошевелить руками и ногами, но не смог.

— Действует седативное. Пока так. — прокомментировал Редактор, считав намерения Петра. — Не бойся. Ничего плохого не произойдет: страх, гнев, борьба — все это последствия твоего вочеловечения. Мы сейчас сделаем детокс, и все будет, как прежде. Тебе дадут отпуск, а потом ты обязательно напишешь что-то хорошее. Детоксикация будет проходить примерно 40 земных лет. Но тебе покажется, что все закончится гораздо быстрее, тут время идет по-другому. Каждый из Писателей нашего отдела будет помогать тебе приходить в себя, выравнивая твою энергию, которая под действием вочеловечивания исказилась. Твои вселенские клетки в ходе этого погружения будут восстанавливаться, и ты постепенно будешь избавляться от своей человеческой зависимости. Твоя земная ипостась, Петр, больше не понадобится. И он умрет, когда там на Земле, выйдет из транса.

В комнату зашли еще несколько человек, расставили стулья по кругу так, что в середине оказалась кушетка с Петром, и сели. Всего стульев было восемь, один остался пустым. Петр ощущал, как постепенно тревожность уходит из него, и он начинает испытывать интерес, чувство, которое, как сказал Редактор, движет человеческой цивилизацией, но которое забывается страхом. Интерес — это то, что связывает Больших и людей на первом уровне.

— А потом? Следующий уровень какой?

— Следующий — любовь, — ответил редактор и обратился к сидящим на стульях. — Можете начинать.

Первым заговорил мужчина с пейсами и Торой в руках. У него была правильная речь, очень многосложная, и немного скучная, как показалось Петру.

— Я Яхве. Первым в твой проект пришел Я. Я смог добиться того, что мои люди, разбросанные по всему земному шару, сохраняют суть нашего замысла. Моих персонажей все еще называют богоизбранным народом. Это, конечно, искажение моих идей, но что поделаешь, люди живут своей жизнью, когда ты их создал, даже если ты изначально все спланировал и явил им парочку чудес. На меня была возложена особая миссия — донести идеи Писателей до человечества и посредством этого помочь человечеству приблизиться к Большим. Для реализации этой идеи я заключил с еврейским народом Завет и дал ему заповеди, Писательский завет, который невозможно отменить. Им пришлось не просто, потому что с одной стороны Писательский Завет дает поддержку Большим, с другой, он налаживает на людей высокий уровень ответственности. Через мои книги они усвоили принцип полного господства духовного начала над материей. Но я им также показал, когда воплотился в Моисея, что материальный мир тоже ценен.

— А прикол, — вмешался здоровый мускулистый мужчина, — я наблюдал, как ты коллег из другого отдела обвел вокруг пальца, когда переходил море посуху. Вот нафига ты их людей потопил? Пришлось им тогда сюжет менять. Но молодца, это было красиво!

— Продолжу? — вежливо перебил его Яхве. — Я вручил человеку господство над материальным миром, чтобы через материальное тело и в материальном мире осуществить своё идеальное предназначение. Помню, тебе тогда это понравилось, Черноголовый. Я дал им Тору, повторяя молитвы из которой человек может достучаться до меня. Я так усердно работал над этой темой, что до сих пор моих персонажей не любят персонажи моей дочурки за то, что мои умеют обходиться с материальным. Да, Кристи? У тебя с этим туго.

Молодая женщина с крестом на груди фыркнула.

— Папа, ты же сам меня позвал в этот проект. Сказал, что люди ждут Мессию, послал на стажировку. А они распряли мой аватар.

— Перегибы на местах. — прокомментировал мужчина с пейсиками. — Зато это дало тебе такой толчок к написанию бестселлера! А вот мои персонажи до сих пор ожидают прихода Мошиаха. Надо как-то уже поправить, чтобы второй раз не облажаться. А то они до сих считают, что Мошиах принесет им политическое освобождение, соберет всех евреев в израильских землях и наладит миропорядок на всей земле.

— Да уж, это проблемка. — вмешался молодой мужчина арабской внешности. — Мои с твоими никак маленький клочок Плодородной поделить не могут. Это в общем не честно. Если ты раньше пришел, это не значит, что твои должны в землях Плодородной остаться до второго пришествия, которое к тому же еще не ясно, будет или нет. Приходится постоянно с корректорами сидеть, когда работаю над этим небольшим куском. Надо делать уже что-то. Корректоры бесятся.

Далее слово взяла молодая девушка, аккуратно одетая в строгий офисный костюм, на груди у нее красовался большой крест.

— Я Кристи. Меня пригласил в проект папа, — она указала на Яхве. — Это был мой первый серьезный проект, я очень боялась его провалить. Но папа настаивал, и я решилась. Во время той жизни, когда я пришла в аватаре человека 2000 лет назад, я тоже чуть не подседа на человечность, как и ты, Черноголовый. Папа оказался рядом, он наблюдал за мной, поэтому быстро среагировал, и все обошлось, детокс не понадобился. Но именно такое глубокое погружение позволило мне написать бестселлер.

— А мы что, не по очереди вхождения в проект будем рассказывать? — возмутился мужчина, одетый в пеструю одежду. — Развели тут родственные связи, понимаешь.

— Прекрати, брат! Не множь сомнения и страдания, — перебила его девушка в сари, с татуировкой в виде лотоса на левом плече. — Пусть говорит.

Кристи посмотрела с укоризной на мужчину в пестрой одежде и продолжала.

— Моя книга как часть проекта получилась довольно объемной, поэтому пришлось впоследствии разделить ее на три, чтобы людей на запутать. На земле эти три книги назвали «Православие», «Католицизм» и «Протестантство».

— Ха, только в чем их существенное различие? — перебил ее тот же мужчина в пестрой одежде. — Это лишь тебе и понятно. Зачем это вообще нужно было делать? Какая разница, сколькими перстами они крестятся и в какой день они празднуют воскрешение твоего аватара? Вон сколько драк развели из-за этих различий. Про темные средние века я вообще молчу. Зачем ты сталкивала их между собой?

— Да и не только их! — подхватил мужчину арабской наружности. — Ты своих и в мой роман отсылала. Эти крестовые походы — одно из самых твоих неудачных мест. Шума много, результата мало. Ты хоть бы тогда предупредила, чего хочешь.

— Если бы я предупредила, было бы не так интересно. Спонтанность — наше все.

— Спонтанность? — продолжал араб. — Ты шутишь? Где ты и где спонтанность?

Он встал со стула, выпрямил спину, его балахон резко сменился на женский деловой костюм.

— Сейчас я расскажу, на что похожа твоя спонтанность. Это выглядит примерно так. Кристи работает, пишет, или там редактирует, уж вечер наступил. Приходят к ней друзья, коллеги, приглашают ее с собой, ну там отдохнуть повеселиться во Вселенском баре, ну или на концерт куда. И что же говорит Кристи? Я бы очень хотела. Но! График, у меня есть график, а все, что не по графику, на фиг! Приходит к Кристи поклонник. Хотя стоп! У тебя же куча по-

клонников и ни одного постоянного парня, потому что график, у тебя же график. А если бы пришел, то ты бы ему ответила: сейчас запишу тебя в свой график, наша встреча состоится по графику через 5 тысяч лет. Ну и так далее. У Кристи есть график, а все, что не по графику на фиг, на фиг, на фиг.

— Вообще не смешно, Инкогнито, — сказала Кристи, которая все это время, пока тот говорил, что-то записывала в свой блокнот. — Вы вот все на меня накинулись. Но между прочим, без меня вы все бы писали медленнее, я вас подтягиваю по срокам!

— Ну это да! — согласился здоровый мужик с татуировками в виде черепов.

— А еще я принесла и посеяла в людях мысли, что Бог есть Любовь и только Любовь. Греховность человека — причина его несчастий, потому что грехи забирают много энергии, и ее совсем мало остается для любви. И да, Инкогнито, мой тебе ответ. Знаешь, почему мои тогда пошли в походы против твоих в средние века?

Инкогнито уставился на Кристи, пытаясь угадать, в чем же будет подвох. Но у нее не было таких планов, и она просто продолжила свою мысль:

— Мои пошли на твоих, чтобы твои их полюбили. Им не хватало любви.

— Интересный поворот! — ответил Инкогнито, — мои идут убивать, когда хотят совершить джихад.

— Давай ты будешь следующим, это в нашем проекте логично, ты туда пришел предпоследним, после тебя был только Череп. Но раз уж зашел разговор о джихаде. — предложила Кристи.

— Я Инкогнито. Племянник Яхве. — взял слово мужчина арабской наружности. — Джихад — очень важное понятие, но персонажи Кристи его никак не могут разгадать. Мне кажется, мы все недостаточно хорошо выписываем людей. Они у нас получаются какими-то плоскими.

— Почему ты так думаешь? Люди вроде у всех хорошо получаются в нашем отделе, — не согласилась Кристи.

— Можно будет сказать, что они хорошо получились, тогда, когда они перестанут людям из других романов навязывать свое мировоззрение. Твои до сих пор говорят, что Джихад — это убийство. А Джихад — это высшее проявление любви через внутреннее самосовершенствование на пути к Большим, борьба со своими страстями, разделение добра и зла. Поэтому с теми, кто идет во зло, нужно расправляться. Это мое ноухау. Мне нет нужды копаться в мусоре, мои персонажи делают это за меня по той программе, которую я в них записал. Существенно облегчает рутинную работу и оставляет время на более важные дела. Да, следование программе требует выполнения формальных условий, но это очень организует моих людей, и им не нужно постоянно переживать о том, как твоим, Кристи, что они куда-то не успевают: они совершают молитву пять раз в день, соблюдают пост-молитву в особый месяц, подают милостыню, ну, и поход в священный город. Кто продолжит?

Редактор, сидящий неподалеку и внимательно наблюдающий за Петром, предложил, чтобы следующим был мужчина средних лет в яркой рубашке.

— Шива, давай ты продолжишь.

— Я Шива, в твой проект, Черноголовый, я пришел третьим. Вам с Яхве показалось, что проекту не хватает полета и разнообразия, и вы позвали меня. Вы это сделали из-за того, что у меня была очень подробно разработана концепция перевоплощения душ. Вы посчитали, что люди слишком боятся смерти, и это мешает им познавать и приближаться к Большим. А моя концепция реинкарнации побеждает страх смерти. Если после смерти твоя душа переселяется в другое тело, молодое, красивое, полное энергии, и тебя ждет новая жизнь, возможно, более интересная и счастливая, то зачем бояться смерти? Как человек, сбросив с себя старые одежды, надевает новые, так и душа вхо-

дит в новые материальные тела, оставляя старые и бесполезные.

— Да, тут ключевым является слово «возможно». — хихикнула женщина средних лет, с татуировкой в виде лотоса. — Возможно, ты станешь в следующей жизни счастливым, здоровым и богатым, но, возможно, ты станешь бездомной кошкой. Да и к тому же, чтобы получить более приятную жизнь, в текущей нужно выполнять кучу требований. И даже если тебе это удастся, и ты в следующей жизни станешь красивым и богатым, то надо учитывать, что люди не бессмертны, и они стареют. То есть ты все равно станешь старым и больным. Так зачем этот бесполезный и бесконечный круг перерождений?

— Мы все знаем твою позицию, Сани, до тебя тоже очередь дойдет, сестра, — прервал ее Шива. — Вот персонажи Кристи или Инкогнито и даже твои, Яхве, они всегда, даже будучи глубоко верующими, имеют некое сомнение: «А вдруг там нет ничего?», «А вдруг мы там никому не нужны?». Пожалуй, только персонажи Сани тоже не боятся, но эту идею она сперла у меня. Да, Сани, кто-то слишком много роется в чужих снах, и крадет из них чужие образы и мысли. — он посмотрел на нее с укоризной. — Мои с молоком матери впитывают веру в то, что смертью жизнь не заканчивается, она только начинается. Именно поэтому мои персонажи не оплакивают умерших людей, а, наоборот, празднуют это событие. Сейчас очень многие ваши верят в это, хотя вы их этому не учили. Потому что это гениальная идея. А то, что касается кармы, по-моему очень рабочая тема. Это возвращает человеку его ответственность и дарует осознание себя активным участником созидания Вселенной.

— А что насчет каст у твоих персонажей? Тебе не кажется, что это уже лишнее? — спросила Кристи.

— Эх, больших переселений народов. Когда я пришел к людям, чтобы продолжить писать их историю, эта система у них уже была. Индоевропейские племена еще на своей

прародине, в причерноморских и прикаспийских степях, имели социальное деление: жрецы, воины и земледельцы. Его они и принесли на занятую территорию современного Ирана и Южной Азии, а уже потом часть этих людей пришли в мою индийскую книгу. Я, конечно, мог их не впустить. Но мне стало интересно поэкспериментировать. Переборщил с катализаторами. Да и людей из чужого романа переписывать не так уже просто.

— Именно эта кастовая система побудила меня включиться в ваш проект, — подхватила женщина средних лет с татуировкой в виде лотоса. Помните? — Она посмотрела в глаза Петру.

Тот начал что-то вспоминать про страдания и колесо сансары. Но пошевелиться не мог. Женщина продолжила:

— Я Сансара, все Большие называют меня Сани.

— Она самая интеллектуальная из нас! — подхватил мужчина с черепами. — Как до такого вообще можно было додуматься! Мне б твой мозг, я бы переписал весь мир.

— Слава богу, что у тебя его нет! — съязвила Кристи. — Ты и с твоим-то мне периодически гадишь. Вообще не понимаю, зачем тебя Редактор позвал в проект. Ты нам с Сани все карты портишь. Интеллект должен сочетаться с любовью, иначе можно так мир перевернуть, что это разрушит его. Не знаю, понравится ли такое Издателю.

Редактор ухмыльнулся:

— Между прочим, Черепа мне именно Издатель и посоветовал пригласить в проект.

Писатели с удивлением посмотрели на него, но промолчали.

— Сани, продолжайте, — сказал Редактор.

— Так вот. Я принесла мысль людям, — продолжила Сани, — что в основе всего — Высший разум, наш Издатель, который является первопричиной всего существующего. Люди перестали циклиться на Больших и посмотрели даль-

ше. Но для этого пришлось перенести центр восприятия с человеческой жизни на Ничто.

— Мне вот именно это твое Ничто и кажется полной хренью. — откомментировал Череп. — По-моему, какая-то умо-зрительная идея, которая людьми сложно воспринимается. Они же не боги. Ты понимаешь, им чем проще, тем лучше. Человек по природе своей не совершенен. Ты слишком много возложила надежд на его Разум.

— Ну почему же? Если отдать познанию свою жизнь, то что-то может начать доходить. Некоторые очень преуспели в этом. Главное для персонажей — осознать, что вся человеческая жизнь есть страдание. А причина страдания — желания. Чтобы победить страдания, нужно избавиться от желания при помощи вот этого самого Ничто, которое я в своей книге назвала Нирваной. Для этого я и разработала восемь основных правил выхода из страданий. По-моему, все логично и понятно. Делай раз, делай два, три. Именно поэтому буддизм, как люди это называли по имени моего аватара, это не религия, а философия.

— 1) Осознать. Правильное понимание мира как удела страдания. 2) Намерение. Взять вектор на урезание своих пожеланий и стремлений. 3) Контролировать речь. То, что ты говоришь, должно быть доброжелательно, потому что люди думают вербально, то, как они говорят, создает то, как они думают, и соответственно, что они делают. 4) Делать добро. Поступки должны быть добрыми. 5) Ненанесение ущерба. Стараться не приносить вреда всем живым существам. 6) Контроль Разума. Изгонять злые мысли и настроиться на добрые. 7) Примат разума над телом. Осознать, что плоть человека есть причина страдания. 8) Настойчивость. С усердием и терпеливостью стараться делать все вышеперечисленное, шаг за шагом, капля по капле. Большой путь через маленькие шаги. У меня все, господа, кто следующий.

— Ну давайте уже я, — сказал старик с седой клиновидной бородкой и узкими глазами, лениво попивая чай. — Я

Фуци Кон, автор Поднебесной. И, между прочим, согласен с приматом философии над религией для развития человечества. Я своим сразу устроил апокалипсис. Они поняли, что мир уже умер. И теперь все персонажи живут в мире «после», работают, трудятся, сами пишут свои образы, пока автор, то есть я, попивает чаек. В чем различие с концепцией романа Сани? А в том, что если у нее философия чистого разума, то в основу моего произведения положена философская этика. Поведение — вот основа успеха! В сюжете моего романа правила поведения каждого персонажа и гражданина великой державы. Вот как у Инкогнито. Правда, моя концепция более проработана, да и эмоций в ней меньше, потому моих персонажей больше миллиарда.

— Конечно, тебе легче их контролировать. — с оттенком легкой претензии сказал Инкогнито. — В основной своей массе они живут на сравнительно небольшой территории, мои не так едины. Да и когда я пришел, пришлось иметь дело с разными верованиями внутри групп. А ты все делал почти с чистого листа. Готовился долго. Писать с чистого листа всегда проще, чем переделывать чьи-то труды.

— Не только и не столько это, — спокойно и размеренно продолжил Фуци Кон. — Я в основу их поведения положил вполне осязаемую категорию — государство. Надо было сформировать сильный сюжет, а потом уже под него подгонять персонажей. Вот вы все сочиняете, исходя из персонажей, а я — из сюжета. Государство стало моим сюжетом. А для сильного государства важен, конечно, человеческий фактор, ну, и преемственность поколений. Самым трудным в этом было заставить людей действовать как должно, поскольку каждый человек ленив по своей натуре. Но я тоже, и поэтому я знаю, как управляться с человеческой ленью. Люди, даже понимая, что живут и действуют неправильно, не хотят заниматься перевоспитанием себя самих. Я им помог, воспользовавшись их же ленью.

— Хитрый ход! — вставил Череп. — Надо взять на вооружение.

Фуций Кон, не обращая внимания на сторонние реплики, продолжал:

— Я придумал опираться на культ предков! Это естественно для человечества. Даже сейчас у многих моих персонажей этот культ сохраняется, почти в каждой семье можно встретить алтарь, на котором курятся благовония, и в трудные минуты люди обращаются к помощи предков, мудрых и все понимающих. Умершие не говорят, ничего не делают, поэтому являются образцом для подражания, неким эталоном правильного поведения. Моя книга и сейчас — это не просто символ, это особый ритуал жизни, влияющий на становление и мировоззрение каждого гражданина.

Остался последний участник совещания, которого все называли Череп. Он выглядел как здоровяк, тело которого испещрено татуировками, изображающими разные виды черепов с многочисленными стилистическими деталями. Череп встал, подошел к Петру, снял куртку и майку, покрутился перед ним.

— Ну что, не припоминаешь?

Петр хотел кивнуть, мол, нет, но седативное все еще действовало.

Ну тогда я напомню. В ваш проект пригласил меня именно Редактор, когда вы все стали страдать высокомерием и постепенно влияние на персонажей стало меньше. А персонажей становилось все больше и больше, они путались между собой. И вы стали выбирать форму, а не содержание. Вы все, кроме тебя, Черноголовый, были против моей кандидатуры. Особенно Кристи.

Он посмотрел в сторону Кристи, как отвергнутые молодые мужчины смотрят на девушку, из разряда: «А виноград-то зеленый».

— Когда-то я написал книгу, довольно популярную в своем жанре, в серии «Скандинавия». Это был боевик

с элементами хоррора, простой, добротный текст, но уже отживший свое. До него у меня были наработки, несколько незаконченных романов. И вот с этими кусками я пришел в проект. В общем, в проект я внес следующие идеи. Первая — мир людей сотворен не истинным Творцом, а злым ограниченным демиургом, который несет ответственность за все творящееся во Вселенной зло.

— Ха, — вклинилась Кристи, — мы все знаем, откуда эта твоя идея. Тебя Издатель просто не хотел печатать. И правильно делал, ему твоя одержимость словом зачем? Ты застал обиду. Ему нужен проект, который окупит все энергетические затраты. Бизнес — ничего личного. Что там по второму пункту?

— Тебе доставляет прямо истинное удовольствие меня задевать! Но время же показало, что люди часто выбирают меня.

— Кто тебя выбирает?

— Ну как кто? Вон Петр, в которого в 21 веке воплотился Черноголовый, из страны, персонажи которой живут в моем мире, а думают, что в твоём. Ловко я их, да? Надо захватывать умы правителей людей, а они сами уже все сделают. Их Светлоликий же — чистый агностик! Служитель Черепа! И вообще, в чем я был не прав? Разве в том, что мир людей — самый худший и низший из всех миров? В этом что ли?

— Ну, это спорное утверждение, — вмешался Фуций Кон, — по мне очень даже себе приличный и удобный мир.

— Зато я, в отличие от некоторых, точно не стану человеком, — он с укором посмотрел на Кристи и Инкогнито.

— Самая твоя гнусная идея — это про богоизбранность некоторых людей по рождению, просто потому что они родились уже богоизбранными. И ничего не надо делать, они уже избранные. Война между Страной и Соседней Страной твоих же рук дело? — предположила Сани.

— Да, я написал в своем романе, что некоторые из людей сотворены непосредственно Издателем и могут познавать исходящую от него истину и, просветленные этой истиной, спастись из мира зла и вернуться к Издателю.

— Но это же наглая ложь! Издатель не создает персонажей, их пишем мы, Писатели! — возмутился Шива.

— Да какая разница! Они все равно не смогут постичь не то что замыслы Издателя, но и замысел Писателей.

— По правде сказать, — вмешался Яхве, — замысел Издателя и мы, Писатели, постичь не можем. Возможно, только Редактор что-то о нем знает.

Петр уставился на Редактора, остальные тоже посмотрели на него в едином порыве. Тот начал оправдываться:

— Да, но это моя работа! Да и зачем вам все эти детали? Поверьте, друзья, это такая рутина, в ней нет ничего интересного. Я на самом деле даже немного вам завидую. Но каждому свое, как говорится.

— А почему один стул пустой? — наконец, получилось сказать у Петра.

Похоже, его тело начинало двигаться.

— А это стул Атеизма, — сказал Редактор. — На самом деле нет никакого Атеизма, нет Писателя с таким именем. Просто каждый из Писателей иногда устает и садится туда отдохнуть.

— А что с символом рыбы? Человек в коричневом капюшоне говорил о людях рыбы, еще амулет Шарумкена, сундук с изображением рыбы в Хранилище.

— Это символ нашего проекта. Наша печать. — отвечал Яхве. — Мы еще когда с тобой вдвоем были в проекте, принесли символ рыбы людям. Но благодаря Кристи теперь о нем знают все, даже те персонажи, которые не входят в наш проект. А так он присутствует в книгах всех писателей нашей книги.

— Но почему рыба? — не унимался Петр-Черноголовый.

— Символ рыбы тесно связан с символизмом воды, водной стихией. — продолжил Яхве. — Вода — первоначало исходное состояние всего сущего, источник жизни. Поэтому рыбы, свободно обитающие в воде, в первозданном океане, наделяются демиургической силой, то есть являются как бы символом предков людей. Мы с тобой эти предки, те, кто создал людей нашего проекта. Мы с тобой рыбы. По-моему, красивый символ. Вода также ассоциируется с бессознательным, в глубинах вод скрыто знание, которое трудно добыть человеку, но которое доступно рыбе. Вода очищает, ритуальное омовение символизирует второе рождение, возвращение к первоначалу, поэтому рыба, живущая в воде, олицетворяет надежду на новое рождение. В общем, в символе рыбы мы с тобой зашифровали послание к нашим персонажам. Такая пасхалочка своего рода.

Черноголовый начал приходить в себя. Рассказы других Больших отзывались в нем какими-то странными воспоминаниями. Он видел картины из разных эпох, соответствующие темам, о которых рассказывали Писатели. Но память полностью не вернулась к нему.

— Я все равно мало что помню, — сказал он вслух, — поднимаясь с кушетки.

Остальные с настороженностью смотрели на него. Не выкинет ли он что на этот раз? Черноголовый перехватил их взгляды:

— Я не буду ни с кем драться, успокойтесь. — и, посмотрев на Редактора, продолжил. — Что мне теперь делать? Что мне делать с Петром?

— С твоим телом на Земле надо заканчивать. Оно тебе больше не нужно, особого интереса Петр как личность не представляет. Он неплохой малый, но совершенно бесполезен. Вообще твой выбор аватара был странен.

— В моем выборе точно был смысл. Я это чувствую.

— Какой? — поинтересовался Череп.

— А вот этого я не помню. Это мне еще предстоит разгадать.

— Не надо ничего разгадывать, — подхватил Редактор. — Теперь это уже не имеет никакого смысла. Спецоперация закончена. И я не хочу даже знать, где ты был четыре тысячи лет. Важно, что мы тебя нашли. Ты сможешь продолжить свой проект. Но для начала мы должны провести детоксикацию. Это займет какое-то время. Коллеги справятся пока без тебя. К тому же это будет недолго. Земных около сорока лет, плюс — минус, как пойдет.

— А что будет с Петром?

— Он умрет. Мы сейчас отсоединяем его тело от тебя, у него будет сердечный приступ или оторвется тромб.

— А давайте я на него метеорит скину! — с воодушевлением предложил Череп.

— Пожалуй, это уже будет слишком. — отреагировал Редактор. — К тому же он сейчас в доме Ирины, а она нам еще может понадобиться. Сердечного приступа Петру будет достаточно.

— Стоп. Мы так не договаривались. Я не хочу, чтобы Петр умирал, он не заслужил этого. — Черноголовый намеревался сохранить жизнь Петру во что бы то ни стало.

— Смерти никто не заслуживает, она просто приходит, — высказалась Кристи.

Редактор продолжал:

— Детокс только начался, ты еще испытываешь жажду к людям, ты ощущаешь себя человеком, так как человечности в твоей крови пока много. Но поверь, это пройдет. Тебе нельзя возвращаться в тело, этим ты можешь себя убить.

— И что, совсем нельзя ничего сделать? — настаивал Петр.

— Ну кое-что можно, — ответил Редактор, — но это надо согласовывать с Издателем. Сам я таких решений не принимаю. Если Издатель даст добро, то он пришлет Инженеров связей, Петра отключат от тебя, и он сможет прожить свою

человеческую жизнь, как все. Но лишится твоих суперспособностей.

— А как же его душа? — спросил Черноголовый. — Разве могут жить люди без души?

— А он не будет жить без души. Дело в том, что Земное время и Космическое не совпадают. Пока ты будешь на детоксе, твоя связь с ним полностью не разорвется, но будет становиться все слабее. Ваша связь оборвется с последним атомом выведенной из тебя человечности. По земным меркам это произойдет лет через 40. Так что проживет еще твой Петр. Но хочу предупредить, детокс будет тогда происходить намного жестче и болезненней для тебя. Соединить с Издателем?

— Да, если это даст возможность Петру еще пожить, я согласен.

Редактор поставил прибор-телефон на громкую связь. Трубку сняли после первого гудка. Голос в телефоне был высоким и звонким.

— Я даю добро, Черноголовый! Я знаю, через что ты прошел. Когда-то давно я сам был в такой ситуации. И да, думайте потише, вы забыли, что я могу читать ваши мысли? Кристи и все, отвечу на ваш невысказанный вопрос: Всемирный Потоп — не моих рук дело.

Он замолчал, как будто взял паузу, чтобы предаться воспоминаниям. Потом продолжил:

— Всем пока. Инженеры связей придут в самое ближайшее время.

Короткие гудки.

— Петр, Петр, просыпайся, хватит уже!

Ира трясла Петра за плечо.

— Что такое? Где я? — закричал Петр, вырвавшись из транса.

— Ты у меня в салоне. Так глубоко погрузился. Я уже не знала, что с тобой делать. Расскажи, что ты видел?

— Я не помню, — сказал Петр.

И это было правдой. Последним его воспоминанием было то, как он в кабинете Ирины пьет чай.

— Видимо, Сережа переборщил с травками. — объяснила Ира. — Я вызову тебе такси.

Когда Петр ехал домой, он не мог отделаться от странного чувства, что забыл о чем-то важном, но никак не мог вспомнить, о чем. Листая страницы на экране своего телефона, он обнаружил, что находится на сайте, который продает билеты по всему миру. Он набрал Машу.

— Привет! Ты готова уехать со мной?

Видимо, ответ был положительный.

— Навсегда. Уедем отсюда.

— ...

— Завтра поезд из Города в Столицу. Вылет из Столицы в Южную страну с пересадкой в 11.30.

Потом он набрал Элеонору:

— Рад тебя слышать! Я видел Андрея, вчера он приходил со мной попрощаться. Попросил передать тебе одну вещь, я зайду к тебе сегодня?

Положил трубку, посмотрел на амулет, лежащий у него в кармане, попросил водителя такси остановиться у ближайшего мусорного бака. Выкинул амулет, сел в машину.

— Давайте поменяем маршрут, в ЦГБ отвезите меня.

— У вас кто-то там из родственников?

— Ага, отцы.

Водитель посмотрел на него с недоверием, но ничего не сказал.

Обоих отцов Петр нашел быстро. Виктор и Георгий лежали в соседних палатах, оба под аппаратами искусственного жизнеобеспечения. Он зашел к одному, потом ко второму. Обоих он поблагодарил за жизнь. Линия жизни обоих зигзагообразно тянулась слева направо.

Один. Петр выдернул трубку изо рта Виктора.
Два. Петр выдернул трубку изо рта Георгия.
Линии жизни превратились в прямые линии.
Петр шел домой собирать вещи, чтобы уехать навсегда.
Дух города пожелал ему счастливого пути.